

СПАСИБО ЗА ПОДСКАЗКУ...

ИНТЕРВЬЮ В СУФЛЕРСКОЙ БУДКЕ

МИНОВАВ служебный вход и актерское фойе, я спустился под сцену, а оттуда через узенькую дверцу попал в помещение площадью в полтора квадратных метра. Кое-как втиснувшись в это пространство, прямо перед собой (можно рукой потрогать) увидел занавес Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Наверное, читатель уже догадался, что на сей раз ваш корреспондент оказался в суфлерской будке. Пришел я сюда, чтобы поговорить с человеком редчайшей для нынешнего дня профессии, с одной из восьми суфлеров нашего города (на семнадцать театров — всего только восемь!) — с Валентиной Ивановной Бурлаченко. Мы встретились, когда до начала спектакля оставалось минут пятнадцать — двадцать. Сверхмалогабаритное помещение оказалось для интервью не самым удобным местом, поэтому невольно вырвался вопрос:

— Валентина Ивановна, как вам тут сидеть?

— В тесноте, да не в обиде. Судите сами: из всех мест, которые есть в театре, мое — самое лучшее. Ведь я же нахожусь впереди первого ряда, да же впереди оркестра. Ближе всех к актерам. Все вижу, все слышу.

— Какие же дороги привели вас в это миниатюрное помещение?

— Была актрисой, а потом, когда суфлер уходил на пенсию и меня попросили выручить, согласилась. Тем более что суфлерское дело очень интересное, творческое. Когда начинаем работать над пьесой, бывает, что вместе с автором и режиссером по несколько раз ее переписываем. Потом приходится участвовать в правке текста. Вообще у нас суфлер — первый друг режиссера. И если, допустим, Александр Александрович Музиль не

был вечером в театре, то завтра непременно позвонит: «Валя, как прошел спектакль?». А вообще-то суфлер прежде всего психолог. Он должен отлично ощущать каждого актера, чувствовать ритм его игры, знать все мизансцены, все паузы. Чтобы мгновенно уловить: забыл человек текст или просто выдерживает паузу.

— Наверное, в школе, на уроках, вы любili подсказывать?

— Просто обожала. И еще часто задавала учителям глупые вопросы типа: «Почему голландский сыр в дырочках?». После подобных вопросов подсказывать приходилось уже из-за двери.

— Всегда ли актеры правильно вас понимают? Не подводят ли вы их?

— Сразу оговорюсь: нынче задачи суфлера совсем не те, что были в старом театре. Тогда зачастую спектакли игрались после двух-трех репетиций, и суфлер волей-неволей был на сцене чуть ли не самой главной фигурой. Теперь суфлер сидит в своей будочке не столько для подсказки, сколько для спокойствия. Но все равно случаи бывают разные... Помню, в «Тяжком обвинении» Василий Васильевич Меркурьев позабыл текст и ловко, не выходя из образа, начал вздыхать: «Что же тут скажешь? Понятия не имею, что здесь можно сказать». Пришлось его выручать.

А вообще-то у нас актеры — виртуозы. Как-то в спектакле «Много шума из ничего», когда на сцене находились Фрейндлих, Соколов и Персиянов, случилась за-

минка. Пропустили большой кусок текста, и дальше разговор явно не клеился. Нарушилась логика. Я им шепчу — не слышат. И вдруг Александр Васильевич Соколов, вспомнив пропущенный отрывок, сам, за всех троих, вдохновенно его проговорил — и спектакль вошел в свою колею...

Много понаслышалась я о своих предшественниках... Однажды Константин Васильевич Скоробогатов заменял заболевшего актера. Вся надежда — на суфлера. Суфлер ему подсказывает: «Пошел!» Скоробогатов громко повторяет: «Пошел!» Суфлер в отчаянии: «Сам пошел!» Скоробогатов еще звучнее: «Сам пошел!» В общем, к тому времени, когда Константин Васильевич все-таки осознал, что его громкие речи были ни к чему, что идти он должен сам, в самом прямом смысле этого слова, бедный суфлер находился в полубомборочном состоянии...

Другой эпизод: однажды один очень хороший актер нашего театра по состоянию здоровья временно стал суфлером. Шла «Проза». Игорь Олегович Горбачев, играющий Кудряша, что-то из своей роли подзабыл и стал выразительно смотреть на суфлерскую будку. А новоиспеченный суфлер, между тем начисто забыв о своих новых обязанностях, бурно переживал за товарища — глядел на него с явным состраданием и громко причитал: «Ай-яй-яй...»

Еще рассказывают: была у нас суфлерша, которая, когда актер что-то путал, вместо подсказки стонала, заламывала руки: «Да

не то! Не то!» Но в общем-то, повторяю, сейчас исполнители к нашей помощи прибегают крайне редко, а Николай Константинович Симонов, например, игру под суфлера вообще терпеть не может, отвергает самым решительным образом. Так что на спектакле мы нужны в основном для душевного спокойствия. На самый крайний, непредвиденный случай.

— Наверное, все роли во всех спектаклях вы знаете уже наизусть!

— Пожалуй, так. Даже, бывало, ночью проснусь и повторяю в уме по целым картинам. Как-то к началу спектакля «Дело, которому ты служишь» задерживалась актриса, исполняющая роль Закадычной. В театре встревожились, попросили меня выручить. Роль я, конечно, знаю, поэтому быстро загримировалась, но в последний момент актриса приехала... Если нужно, веду спектакль за помощника режиссера.

— Что делать суфлеру, если он охрип!

— Приходится говорить мужским голосом, который, как мне тогда кажется, слышен даже на галерке.

— Поскольку это в разрезе вашей профессии, подскажите, пожалуйста, вопрос, который я вам должен задать в заключение.

— Спросите меня, жалею ли об избранном пути.

— Ну так, жалете или нет!

— Когда была актрисой, болела только за свою роль, а теперь — за каждого исполнителя. И еще один важный момент: Жан Вилар как-то сказал, что очень завидует суфлеру, который каждый вечер может прочесть замечательную пьесу...

ПРОЗВЕНЕЛ третий звонок. Моя собеседница надела очки, зажгла лампу и раскрыла пьесу, сплошь испещренную одной ей понятными знаками. Взглянул занавес — и на сцену шагнул Бруно Артурович Фрейндлих, чтобы поведать залу о седоголовом чудаче, который живет на старом Арбате. Валентина Ивановна что-то зашептала...

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото В. Голубовского

24 СЕН 1971
О М Е Н А
г. Ленинград